

Е.Н. ЦЫГАНКОВА
(Уральский государственный педагогический университет,
г. Екатеринбург, Россия)

УДК 821.161.1.1(Пушкин А.С.)
ББК Ш33(2Рос=Рус)-8,445

ЖАНР ЭПИГРАММЫ В ТВОРЧЕСТВЕ А.С. ПУШКИНА: К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ

Аннотация. Статья посвящена жанру эпиграммы в творчестве А.С. Пушкина. Делается вывод о недостаточной изученности проблем поэтики и эволюции жанра эпиграммы в контексте периодизации творчества поэта и динамики его художественного метода.

Ключевые слова: А.С. Пушкина, эпиграмма, художественный метод, творческая эволюция.

Творчество Александра Сергеевича Пушкина вызывает неизменный исследовательский интерес. Пушкиноведение – одна из наиболее развитых областей отечественного литературоведения. Однако, начав поиск исследований, посвященных эпиграмматическому наследию Пушкина, мы столкнулись с проблемой: монографий, специальных научных исследований, которые могли бы дать сколько-нибудь целостное представление об эпиграмматистике поэта, нет. Фрагментарность исследований по данной теме существенно осложняет осмысление эпиграмматического творчества Пушкина. Как правило, работы, посвященные пушкинской эпиграмме, – это главным образом предисловия к сборникам и антологиям, комментарии и разборы отдельных эпиграмм. Говоря о своих эпиграммах, сам поэт называл их довольно большое количество: «Их всех *около 50* и все оригинальные»¹; «У меня их *пропасть*»²; «И вылей *сотню* эпиграмм / На недруга и друга!»³. Не забывая о существующей проблеме приписываемых Пушкину эпиграмм, по нашим подсчетам, можно выделить **108** сатирических миниатюр, принадлежащих перу поэта⁴. Такое число представляется довольно внушительным. Можно сделать вывод о склонности Пушкина к жанру эпиграммы, что само по себе заслуживает внимания. Не подлежит сомнению необходимость рассмотрения эпиграмматистики в контексте творческой эволюции Пушкина. Мы выдвигаем рабочую гипотезу

¹ См.: Переписка А.С. Пушкина: в 2 т. Л. : Худож. лит., 1982. Т. 1. С. 102.

² Там же. С. 150.

³ Пушкин А.С. Собр. соч.: в 3 т. М. : Худож. лит., 1985. Т. 1. С. 159.

⁴ Подсчет велся нами по изданию: Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: в 16 т. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1937-1949. – Е.Ц.

тезу, согласно которой жанр эпиграммы в творчестве Пушкина не мог не претерпевать эволюции в связи с общетворческими процессами – динамикой художественного метода и стиля, – которыми отмечена литературная деятельность поэта. Данная рабочая гипотеза будет проверяться в ходе нашего исследования. Очевидно, что эволюция эпиграмматического творчества поэта – предмет, достойный внимания исследователей.

Рассмотрев научные работы, посвященные (в той или иной мере) эпиграмматическому творчеству А.С. Пушкина, мы можем сделать вывод о том, что его изучение (с разной степенью полноты и эффективности) ведется в разных направлениях. Прежде всего наше внимание привлекают исследования, предметом изучения которых является вся эпиграмматистика Пушкина в целом. Таких работ немного, и это, в большинстве своем, статьи (Е.Г. Эткинд «Пушкин-эпиграмматист»⁵, Е.В. Новикова «Выбор оружия: эпиграмма в судьбе Пушкина»⁶, Ф.А. Раскольников «Комическое в творчестве Пушкина»⁷). Понятно, что в рамках указанного научного жанра не может быть достигнута желаемая полнота и глубина осмысления предмета исследования. Однако такого рода работы (при разной степени их научной ценности) позволяют составить некое представление об эпиграмматистике Пушкина как художественном единстве, а потому они нужны, но в рамках более значительного по масштабам исследования.

Не подлежит сомнению необходимость рассмотрения эпиграмматистики в контексте творчества и творческой эволюции А.С. Пушкина. Только в этом случае можно соотнести динамику эпиграмматического жанра (мы предполагаем, что она есть) с творческими процессами – с движением метода и, следовательно, стиля, которыми отмечено творчество Пушкина. В контексте изучения творчества Пушкина исследователи рассматривают эпиграммы, как правило, бегло, удалявая этот жанр лишь краткого упоминания и сосредоточивая внимание главным образом на одной разновидности, а именно – политической эпиграмме. В этом смысле показательно, что в «Путеводителе по Пушкину», изданном в 30-е годы прошлого столетия, за статьей «Эпиграмма» следует отдельная, объемнее первой, статья «Эпиграммы политические»⁸.

⁵ Эткинд Е.Г. Пушкин-эпиграмматист // Ученые записки ЛГПИ им. Герцена. Псков, 1973. С. 24-31.

⁶ Новикова Е.В. Выбор оружия: эпиграмма в судьбе Пушкина // Звезда. 1999. № 6. С. 16-54.

⁷ Раскольников Ф.А. Комическое в творчестве Пушкина // Pushkin Review. 2005. № 89. С. 93-116.

⁸ См.: Путеводитель по Пушкину / ред. Т.Г. Цявловская. М.: Воскресенье, 1935. С. 423-424.

Автор монографии «Творческий путь Пушкина» Д.Д. Благой упоминает об острых эпитаграммах поэта наряду с его вольной лирикой. Литературовед также делает акцент на политическом, революционном заряде пушкинских эпитаграмм, подчеркивая их агитационно-пропагандистское значение. По словам исследователя, Пушкин выступает в своих эпитаграммах «как рупор общественного самосознания, выразитель настроений наиболее передовых кругов русского общества...»⁹. Под таким же углом пушкинские эпитаграммы рассматривает и А. Цейтлин в работе «Наследство Пушкина». Отмечая сгущенный сарказм эпитаграмм поэта, их высокий эмоциональный заряд, Цейтлин видит ценность эпитаграмматического творчества Пушкина в их пропагандистской силе: «...в них вскрыты огромные социальные сдвиги его эпохи...»¹⁰. Таким образом, мы видим, что литературоведов советской эпохи привлекает в эпитаграммах поэта их политическая направленность.

Рассмотрение эпитаграмм в контексте творческой эволюции поэта позволяет сделать вывод о возникновении в них реалистических черт. «Пушкинская эпитаграмма, – считает Л.В. Ершов, – в сжатом виде воплощает процесс перехода тогдашней поэзии к новому художественному методу – реализму»¹¹. В подтверждение этого тезиса исследователь указывает, например, на использование Пушкиным в своих эпитаграммах принципа реалистической портретности («запечатление индивидуально-неповторимых, исторически характерных черт»), принципа художественного историзма (в произведении выступает не автор, а «сам минувший век во всей его истине»), принципа культурно-социальной обусловленности. Реалистические тенденции в эпитаграмматическом творчестве Пушкина отмечает и М.И. Гиллельсон, обращая внимание на тягу писателя к «реальным, точным, бытовым деталям», называя поэта «создателем» реалистической эпитаграммы¹². Мы будем учитывать отмеченное исследователями (Л.В. Ершовым, М.И. Гиллельсоном) возникновение реалистических тенденций в эпитаграмматическом творчестве Пушкина, выясняя, какие изменения происходят в пушкинской эпитаграмме в связи с движением поэта к реализму. Недостатком исследований этого типа является беглость, поверхностность рассмотрения интересующего нас вопроса (хотя, надо признать, в задачу данных исследований и не

⁹ Благой Д.Д. Творческий путь Пушкина. М.: Сов. писатель, 1967. С. 165.

¹⁰ Цейтлин А. Наследство Пушкина // Литературное наследство. А.С. Пушкин. М.: Наследие, 1999. С. 32.

¹¹ Ершов Л.В. О русской эпитаграмме // Русская эпитаграмма второй половины XVII века – начала XX века. Л.: Сов. писатель, 1975. С. 40.

¹² Гиллельсон М.И. Русская эпитаграмма // Русская эпитаграмма (XVIII – начало XX века). Л.: Сов. писатель, 1988. С. 12.

входила полнота его освещения), а также, ограниченность анализа преимущественно политическими эпитаграммами Пушкина.

Немало работ, посвященных анализу отдельных образцов эпитаграмматического жанра в творчестве Пушкина. В монографии Б.М. Гаспарова «Поэтический язык Пушкина как факт истории русского литературного языка»¹³ находим упоминание об эпитаграмматическом творчестве поэта. Рассматривая лексический строй лирических произведений Пушкина, в том числе такие эпитаграммы, как «Угрюмых тройка есть певцов...», цикл эпитаграмм «на Аглаю», автор делает вывод о динамике важнейших лейтмотивов, образов-символов в лирике поэта. По мнению исследователя, привычные образы-символы под пером Пушкина переходят в иную сферу литературных ассоциаций. Подобный мотивационный подход к анализу символики эпитаграмм представляется важным для дальнейших исследований эпитаграмматического творчества Пушкина.

Работы Б.В. Томашевского («Эпитаграммы Пушкина на Карамзина») и Ю.П. Фесенко («Эпитаграмма на Карамзина (опыт атрибуции)») посвящены изучению цикла пушкинских эпитаграмм на Н.М. Карамзина. Н.Л. Дмитриева («Пушкинские эпитаграммы “на Аглаю” и жанр французской гривуазной эпитаграммы») подробно останавливается, как и Гаспаров, на цикле эпитаграмм Пушкина «на Аглаю»¹⁴. Из работ-анализов отдельных эпитаграмм можно выделить объемные исследования М.С. Альтмана и Б.В. Томашевского, В.Э. Вацура, А.В. Кулагина, С.А. Ошерова, В.Д. Рак, М.А. Цявловского и др.¹⁵ Существуют и более

¹³ Гаспаров Б.М. Поэтический язык Пушкина как факт истории русского литературного языка. СПб. : Академ. проект, 1999. С. 150-158.

¹⁴ Томашевский Б.В. Эпитаграммы Пушкина на Карамзина // Пушкин: Исследования и материалы. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1956. Т.1. С. 208-215; Фесенко Ю.П. Эпитаграмма на Карамзина: (Опыт атрибуции) // Пушкин: Исследования и материалы. Л. : Наука, 1978. Т. 8. С. 293-296; Дмитриева Н.Л. Пушкинские эпитаграммы «на Аглаю» и жанр французской гривуазной эпитаграммы // Пушкин: Исследования и материалы. СПб. : Наука, 2004. Т.16. С. 126-130.

¹⁵ См.: Альтман М.С., Томашевский Б.В. К истории текста эпитаграммы «Там, где древний Кочерговский» // Временник Пушкинской комиссии. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1936. Вып.1. С. 215-218; Вацура В.Э. Эпитаграмма Пушкина на А. Н. Муравьева // Пушкин: Исследования и материалы. Л. : Наука, 1989. Т. 13. С. 222-241; Кулагин А.В. «Надпись к воротам Екатерингофа» // Временник Пушкинской комиссии. СПб. : Наука, 1996. Вып. 27. С. 107-115; Ошеров С.А. Об источнике эпитаграммы Пушкина «Юноша! Скромно пируй...» // Временник Пушкинской комиссии. Л. : Наука, 1983. Вып. 17. С. 141-142; Рак В.Д. К истории четверостишия, приписанного Пушкину // Временник Пушкинской комиссии. Л. : Наука, 1975. Вып. 10. С. 107-117; Цявловский М.А. Эпитаграммы «Седой Свистов...», «Мы добрых граждан позабавим...», «В столице он капрал, в Чугуеве – Нерон...» // Статьи о Пушкине. М. : Изд-во АН СССР, 1962. С. 400-420.

лаконичные исследовательские анализы Л.М. Аринштейна, О. Билинкиса, Л. Каменской, В.М. Файбисовича, С.А. Фомичева и др.¹⁶ Все эти работы, посвященные исследованию отдельных эпиграмм, имеют в своей основе похожую структурную канву:

- авторы приводят атрибуционные доводы, доказывающие или ставящие под сомнение авторство А.С. Пушкина;
- рассматривают проблему адресата эпиграммы;
- указывают повод, побудивший поэта к написанию эпиграммы;
- характеризуют время создания эпиграммы;
- приводят другие варианты (если они имеются) данной эпиграммы или нескольких ее строк;
- обращаются к вопросу о первоисточнике эпиграммы, если имеются на то основания.

Исследователями отмечается взаимовлияние, взаимопроникновение жанров в творчестве Пушкина. В частности, В.Н. Турбин называет эпиграмму «зерном, из которого проросли и поэмы, и повести, и романы; многие герои Пушкина мыслят чисто эпиграмматически»¹⁷. Содержат в себе эпиграмматическое начало «Евгений Онегин», «Капитанская дочка»; отблески эпиграмматизма исследователь находит в стихотворениях, лирических памфлетах. Входя в другие жанры, эпиграмматическое начало становится приметой пушкинского стиля: его слово уподобляется меткому выстрелу.

Привлекает внимание исследователей проблема адресатов и героев пушкинских эпиграмм: конкретная биография прототипов героев, их отношения с автором – А.С. Пушкиным – еще одно направление пушкинистики, которое представлено в коллективных монографиях «Типы Пушкина»¹⁸ и «Пушкин и его окружение»¹⁹.

Приходится констатировать отсутствие работ, отдельно посвященных проблеме классификации пушкинских эпиграмм. Однако по-

¹⁶ См.: *Аринштейн Л.М.* «Вторичная мемуаристика» в комментарии (Об эпиграмме Пушкина "Сказали раз царю...") // *Временник Пушкинской комиссии.* Л. : Наука, 1985. Вып. 19. С. 5-17; *Билинкис О.* Об эпиграмме Пушкина «Жив, жив курилка!» // *Пушкин. Лермонтов. Гоголь.* М. : Изд-во АН СССР, 1952. С. 338-339; *Каменская Л.* Об одной эпиграмме Пушкина // *Пушкин: Исследования и материалы.* Л. : Наука, 1991. Т. 4. С.192-194; *Файбисович В.М.* «Мальчишка Фебу гимн поднес» // *Временник Пушкинской комиссии.* Л. : Наука, 1989. Вып. 23. С. 105-109; *Фомичев С.А.* Эпиграмма «Певец Давид был ростом мал...»: (Текст, датировка, сатирическая направленность) // *Временник Пушкинской комиссии.* СПб. : Наука, 1995. Вып. 26. С. 78- 86.

¹⁷ *Турбин В.Н.* Пушкин. Гоголь. Лермонтов: Об изучении литературных жанров. М. : Просвещение, 1978. С. 230.

¹⁸ *Типы Пушкина* / под ред. Н.Д. Носкова. Л. : Слов. лит. типов, 1912.

¹⁹ *Пушкин и его окружение* / под ред. В.Э. Вацура. Л. : Наука, 1989.

зиция многих исследователей по данному вопросу, так или иначе, представлена в их работах, посвященных эпиграматистике Пушкина. Большинство исследователей (Е.В. Новикова, Ф.А. Раскольников, М.И. Гиллельсон и др.) разделяют эпиграммы согласно тематическому принципу (политические, литературно-полемические, дружеские). Существуют и иные классификации: по жанровым разновидностям (обычно этот принцип используется наряду с тематическим – Л.В. Ершов, В. Васильева), по стилевому признаку (некоторые типы эпиграмм в классификации Е.Г. Эткинда). На наш взгляд, при классификации пушкинских эпиграмм целесообразно основываться не только на тематическом, но и на жанровом, а также стилевом принципах. Следовательно, можно говорить о необходимости разных классификаций. Только в таком случае можно охватить всё многообразие форм, созданных Пушкиным в рамках эпиграмматического жанра.

Эпиграммы Пушкина в истории русского эпиграмматического жанра знаменуют собой новую ступень в развитии древнего жанра. Ни один русский историк жанра не обходит своим вниманием эпиграмматику Пушкина. В контексте истории жанра пушкинская эпиграмма осмысливается большинством исследователей как «высшая точка взлета»²⁰ русской сатирической миниатюры. Так, Л.В. Ершов в статье «О русской эпиграмме» отмечает: «Юный Пушкин – и это неотъемлемая черта его гения – в несколько лет проделал путь, который русская эпиграмма прошла за столетие...»²¹. В. Васильева обращает внимание на «стремительный взлет, который совершила русская эпиграмма, когда к ней прикоснулся Пушкин»²². М.И. Гиллельсон нарекает «“золотой век” русской литературы “золотым веком” отечественной эпиграммы»²³. Подобные исследования, безусловно, важны для понимания новаторства А.С. Пушкина и для выявления роли его эпиграмм в истории жанра.

Итак, на сегодняшний день приходится констатировать фрагментарность и лаконичность литературоведческих исследований, посвященных пушкинской эпиграматистике. Большинство литературоведов, как мы увидели, избирает в качестве объекта изучения политические эпиграммы поэта, указывая на их пропагандистское значение, или литературно-полемические, отмечая их роль в литературной борьбе

²⁰ Ершов Л.В. О русской эпиграмме. С. 36.

²¹ Там же. С. 37.

²² Васильева В. Беглый взгляд на эпиграмму // Русская эпиграмма. М. : Худож. лит., 1990. С. 17.

²³ Гиллельсон М.И. Русская эпиграмма. С. 15.

20–30-х годов XIX века. Некоторые эпиграммы Пушкина еще не были предметом специального рассмотрения или же трактовались исследователями только как салонные остроты, не представляющие интереса для научного изучения. Следовательно, до сих пор в науке не сформировалось целостное представление об эпиграматистике Пушкина, ее месте в творчестве поэта, роли и значения в истории русского эпиграмматического жанра, что делает необходимым проведение дальнейших исследований.